

С.А.Иванов

Друг фронтовой

Великая Отечественная война меня застала в Ленинграде, где я учился в техникуме. С началом войны в возрасте восемнадцати лет был мобилизован в армию. Окончил военную школу радиоспециалистов Ленинградского фронта, после чего стал радистом-оператором.

Подразделение, в котором служил, вначале размещалось в Ленинграде у Таврического дворца, потом перебазировалось в Парголово, в сторону Карельского перешейка. Тяжелую блокадную зиму 1941-1942 гг. я перенес с большим трудом; была дистрофия второй степени: сильно ослаб и оказался в госпитале. Когда это случилось и сколько времени лечился, не знаю, но к весне 1942 г. снова был среди своих товарищей.

В апреле 1942 г., в самое трудное время блокады, меня в составе группы радистов отправили в поселок Рыбацкое, в сторону Ладожского озера, где находилась радиорота 84-го полка связи. По прибытии туда был включен в команду радиостанции сержанта Ефимова. В один из дней, когда не было, как тогда говорили, боев местного значения, я был вызван к старшине радиороты Гуляеву. Не помню, по какому поводу он меня вызвал, но я у него находился в то время, когда в каптерку вошел высокого роста старшина в шинели, обмотках и стал докладывать о своем прибытии. Он волновался и стал сильно заикаться. Старшина Гуляев не дождался окончания доклада, сделал знак рукой, чтобы вошедший успокоился. Это был Слава Лаппо - радист первого класса. В радиороту 84-го полка связи он приехал из госпиталя после тяжелого ранения, последствием которого и было небольшое заикание. При волнении оно усиливалось.

Вышли мы из каптерки от старшины вместе. И как-то так случилось, что мы со Славой подружились. Я узнал, что с начала войны он ушел со студенческой скамьи на фронт, что бои были тяжелые, и он был ранен в голову... Меня всегда тянуло к людям, которые были старше меня, были

Иванов Сергей Андреевич - доктор исторических наук, профессор кафедры истории; в Псковском пединституте работает с 1963 г.

С ноября 1941 г. по июнь 1948 г. служил в рядах Советской Армии, участвовал в боевых действиях в период 900-дневной обороны Ленинграда, в освобождении Ленинградской и Псковской областей, Эстонии и Латвии. Награжден медалями "За отвагу", "За оборону Ленинграда", "За победу над Германией".

добрыми, образованными, талантливыми. И Слава оказался таким другом. С ним было интересно беседовать. Но встречи наши были не очень частыми: боевая обстановка не позволяла, мы работали на разных радиостанциях, находившихся далеко друг от друга.

Но пришло время, когда мы оказались вместе, обслуживали одну радиостанцию. Это произошло в январе 1944 г. с началом наступления на Ленинградском фронте. Тогда наша 67-я армия, которую обслуживала 84-й полк связи, вместе с другими армиями Ленфронта стала гнать фашистов из-под Ленинграда. Нам со Славой пришлось обеспечивать специальную радиосвязь во время наступления нашей армии по освобождению Луги. Перед Лужской операцией мы были вызваны к командиру роты капитану Еременко и получили от него приказ: обеспечивать радиосвязью командующего армией генерал-лейтенанта В.П.Свиридова.

Во время операции наша радиостанция находилась на командном пункте, расположенном в землянке, где был командующий. Он к нам относился по-товарищески, заботливо, был вежлив в обращении. Радиостанция стояла рядом со столом, на котором была разложена ориентирная карта. Луга на ней называлась «Солнцем». Я помню, как командующий, несколько негодуя, спрашивал командиров дивизий: «Скоро ли возьмете «Солнце»?»

Карта освещалась плашкой с горящим фитилем. Во время моего дежурства я нечаянно задел ее, она упала на карту, разлилось масло, вспыхнул огонь. Свиридов сказал: «Сынок, да ты мне операцию сорвешь!» Я быстро схватил фуфайку, накрыл ею карту. Огонь погасил. Так «операция» взятия «Солнца» была спасена. Если подобные карты хранятся где-то в архиве, то среди них, наверняка, находится облитая маслом, подгоревшая карта важной Лужской операции. Луга была освобождена 12 февраля 1944 г.

Второй раз мы обеспечивали связь, когда армия, освободив Плюссу, Струти Красные, Новоселье, Карамышево, подошла к Пскову и с ходу решила прорвать оборону противника между Псковом и Островом, чтобы выйти на левый берег Великой и дальше развивать наступление в Прибалтику. Тогда нам со Славой выдали портативную, иностранного производства радиостанцию, которой пользовались десантники. Инструкция к этой радиостанции была на английском языке. Я огорчился, так как знал лишь немецкий. Но Слава был спокоен: оказывается, он хорошо владел английским языком. Инструкция была прочитана. Мы были рады, что знание иностранного языка принесло пользу. (Я еще напишу о том, что за умение пользоваться иностранным языком мы получили серьезное замечание, правда избежав наказания.)

Радиостанцию мы вначале развернули в деревне Андрюшино, что в двух

километрах от Карамышева, а потом перебазировались в лесхоз, в Быстрецовскую больницу, от Карамышева - шесть километров. Больных в ней не было, палаты пустовали, и в одной из них мы и расположились.

Как и в период Лужской операции, мы входили в специальную сеть командующего армией генерал-лейтенанта В.П.Свиридова. Работали недолго, потому что наступление по прорыву обороны немцев между Псковом и Островом у населенных пунктов Соловьё и Череха захлебнулось. Я не знаю, в чем дело, почему это произошло. Думаю, что не последняя роль в провале его сыграла весенняя распутица. Помню, что даже американские грузовики-студебеккеры, которые были в нашей армии, вязли, застревали и танки. Лишь лошади могли с трудом передвигаться. На них-то вперемет перевозили снаряды для «катюш». Солдаты на себе носили мешки с сухарями. Итак, наступление захлебнулось. Армия перешла к обороне.

Прошли три месяца, наполненные подготовкой к прорыву обороны противника. Создан 3-й Прибалтийский фронт. Наша армия перешла туда. Правее действовала 42-я армия.

21 июля 1944 г. мы заняли Остров, а когда 42-я армия развернула наступательные бои под Псковом, нам было приказано начать наступление на Выру и Тарту, с тем чтобы облегчить боевые действия 42-й армии. Немцы, боясь, что будут отрезаны в Пскове, стали отводить свои войска, и та, как говорится, малой кровью освободила Псков.

В это время мы со Славой находились при командующем 67-й армии генерал-лейтенант В.З.Романовском (генерал-лейтенант В.П.Свиридов был назначен командующим 42-й армией). Помню, во время боев проводная связь была нарушена и мы с другом никак не могли установить радиосвязь с одной из дивизий. Генерал рассердился на нас: «Не умеете работать, я вас расстреляю!» Однако вскоре телефонная связь была восстановлена, а из дивизии сообщили, что там вышла из строя радиостанция.

После взятия Выру и Тарту (наш 84-й полк получил наименование «Тартуский») 67-я армия участвовала в освобождении Вагги, Лимбажей, Цесиса и остановилась у деревни Яунциемс на берегу Киш-озера. Войска переправлялись на амфибиях, с ходу вступали в бой в Межепарке на окраине Риги и 13 октября 1944 г. освободили большую часть столицы Латвии. В этот день Москва салютовала нам, хотя еще 14 и 15 октября шли бои в старой Риге.

Потом наша армия стала охранять рижское побережье и готовилась к ликвидации Курляндской группировки противника. В это время мы несли

караульную службу, занимались строевой подготовкой, совершенствовались в передаче на ключе, изучали радиотехнику. Работали со Славой в разных командах, на разных радиостанциях. Но встречались довольно часто, обменивались новостями, вспоминали довоенное время.

И вот в один из дней в начале мая пришел ко мне радостно-взволнованный Слава и говорит: «Я только что слушал на английском языке передачу. Диктор сообщил, что в Реймсе немцы подписали акт о безоговорочной капитуляции. Война кончилась!» Как было не поделиться новостью с товарищами! И многие в радиороте от нас об этом узнали. Узнало и наше ротное начальство. Но нам от командира здорово попало за создание демобилизационного настроения. Но вскоре после этого получили официальное советское сообщение о капитуляции фашистов, об окончании войны, Дне Победы.

Капитулировала и Курляндская группировка врага. Помню, как мимо нас в тыл шли пленные немецкие солдаты. Я видел, это были молоденькие мальчишки. Они плакали, некоторые произносили: «Гитлер капут».

Вскоре наш полк расформировали, и мы оказались в разных воинских подразделениях. Затем мой друг уехал в Москву на учебу в институт. Я демобилизовался в 1948 г. И с тех пор у меня о Славе никаких вестей не было. Ежегодно, 9 мая, связисты встречались во Дворце связи в Ленинграде. Я пытался узнать что-либо о Славе, но никто ничего не знал о нем.

Но вот у меня на квартире в Пскове в сентябре 1987 г. раздался телефонный звонок, и я услышал, как, слегка заикаясь, Слава приветствовал меня из Москвы. Оказывается, он был в курсе наших дел, знал, что мы встречаемся, но по роду работы не мог с нами встретиться раньше.

Я сразу же поехал к нему. Жил он недалеко от станции метро «Авиамоторная». Вышел из метро и направился к его дому. Вдруг вижу среди спешащих к метро москвичей высокую фигуру улыбающегося Славы. Он скорым шагом шел навстречу мне. Подумать только, состоялась встреча после тридцатилетней разлуки с добрым, отзывчивым другом!

Дома нас встретила Елена Николаевна - спутница жизни Славы, милая женщина. День прошел в воспоминаниях. Оказывается, Слава и его жена учились в одном институте и после окончания были направлены Д.Ф.Устиновым в конструкторское бюро С.П.Королева. Слава конструировал радиопередатчик первого спутника Земли. Он вспоминал о том, как однажды ночью С.П.Королев пришел к нему в лабораторию, чтобы послушать сигналы спутника. С.П.Королев послушал сигналы спутника «бип-бип», после чего спросил: «А нельзя сделать, чтобы он какое-нибудь слово пищал?»

Спутник был запущен в космос 4 октября 1957 г., в 22 часа 28 минут. Радиостанция, где находился Слава, была оборудована в фургоне, который стоял на ракетном полигоне в километре от стартовой площадки. В фургон набралось много народа, все хотели услышать спутник. Слава сидел у приемников и магнитофонов и напряженно ждал сигнала. Сильно волновался. Но вот, наконец, услышал сначала тихое, а потом все более усиливающееся «бип-бип-бип». Тогда ракетный полигон переименовали в космодром. Вячеслав Иванович Лаппо стал лауреатом Государственной премии СССР, его труд в конструкторском бюро С.П.Королева был отмечен многими правительственными наградами.

В тот раз я у Славы пробыл недолго, но потом, много раз бывая в Москве, всегда навещал гостеприимную семью Лаппо ... Но вот в декабрьский вечер 1992 г. телефонный звонок позвал меня, в трубке я услышал печальный голос Елены Николаевны. Она сказала, что Слава умер. И не стало моего друга, рядового участника Великой Отечественной войны, умного, талантливого русского патриота, немало сделавшего для развития нашей космонавтики ...

Б.Б.Кросс

"Помню я стук метронома..."

Война для меня, как и для многих, не была неожиданностью. Когда появилось сообщение о высадке немецких войск в Финляндии и о том, что Сталин занял пост главы правительства, понял, к чему идет дело. Об этом сказал мне и мой однокурсник Степа Волк (впоследствии видный историк), отец которого был генералом и начальником академии.

Все же Гитлер нас со Степой обманул: Степа считал, что война начнется в августе, а Германия напала на нас на 40 дней раньше. Может быть, поэтому

Кросс Борис Борисович - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории; в Псковском пединституте работает с 1962 г. С июня 1941 г., являясь студентом Ленинградского университета, участвовал в аэродромном строительстве ВВС округа, затем до эвакуации из Ленинграда в марте 1942 г. состоял в МПВО университета. Награжден медалями "За оборону Ленинграда" и "В память 250-летия Ленинграда".